

МӘДЕНИ МҰРА
ғылыми журнал

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
научный журнал

CULTURAL HERITAGE
science journal

ISSN: 2708-3365

№ 2 (93)

Нұр-Сұлтан
2021

Редакциялық алқа:

А. Мұхамедиұлы,	өнертану докторы, профессор (алқа төрағасы)
Асанканов А.А.,	тарих ғылымдарының докторы, ҚР ҰҒА корреспондент мүшесі (Қырғызстан).
Әбдуақап Қара,	тарих ғылымдарының докторы, профессор (Түркия).
Бороффка Н.,	археология докторы, профессор (Германия).
Бейсенов А.З.,	тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан).
Ибадуллаева З.Ө.,	тарих ғылымдарының кандидаты, доцент (Қазақстан).
Ибраева А.Г.,	тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Ұлттық Жаратылыстану ғылымдары академиясының академигі (Қазақстан).
Касеналин А.Е.,	PhD докторы (Қазақстан).
Купаева А.Қ.,	PhD докторы (Қазақстан).
Қартаева Т.Е.,	тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан).
Малдыбаева Р.К.,	өнертану кандидаты (Қазақстан).
Мұқтар Ә.Қ.,	тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан).
Нұразхан А.Ш.,	педагогика ғылымдарының кандидаты, ҚР Көркемөнер академиясының академигі (Қазақстан).
Оңғар А.,	тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан).
Самашев З.С.,	тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан).
Төлеубаев Ә.Т.,	тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан).
Смағұлов О.С.,	ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы (Қазақстан).
Таймағамбетов Ж.Қ.,	ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан).
Үмітқалиев Ұ.Ұ.,	тарих ғылымдарының кандидаты (Қазақстан).
Шамильоглу Ю.,	Висконсин университетінің профессоры (АҚШ).

МАЗМҰНЫ / СОДЕРЖАНИЕ

Қазақстанның киелі жерлері

Мұқтар Ә.Қ. Алтынордалық Сарайшық ортағасырлық тарихи деректерде 4

Бөкей Ордасына – 220 жыл

Ғиззатов С.М. Бөкей Ордасының тарихи тұлғалары және олардың атқарған қоғамдық-саяси қызметтері 10

Археология

Моллақанағатұлы С. Маңғыстаудан табылған «Диуани хикмет» қолжазбасы 17

Шағирбаев М.С., Сорокин Д., Казизов Е.С., Морыксин Д.В., Бычков В.С. Исследования остеологических материалов с городища Шымкент (2019-2020 гг.) 23

Аймұхамбет Ж.Ә. Шырайлы қаланың шынайы әпсаналары 47

Алаш тарихы

Сайлаубай Е.Е., Рахметуллин Е. Шыңғыстау өңірінен шыққан қазақ байларының меценаттық қызметі мен тағдыры 55

Филология

Хамзин М. Ақын Дия қажы Ахметұлы шығармашылығы: таным және тәлім аясындағы ой-толғамдар 73

Айтмұхамбетова Б.А. «Призовой слиток на казахской поэтической ниве!» 80

Асанов Қ.Д. Сөз өнерінің насихатшылдық сипаты 97

Кәріпбаев Ж.Т. Жүсіпбек Шайхисламұлының «Жүсіп-Зылиха» тақырыбындағы назирасы 104

Этнография

Жәкішева З.С. Дара тұлға 121

Жүнісқанов Е.Б. Қазақтың құсбегілік өнері 134

Музей ісі

Ахметова С.М. Қасиетті құранның поэтикалық аудармасы 140

Мәдениеттану

Мырзахметов А.Ә. Архетип және көркем шығармашылықтағы «түпсана» 145

CONTENTS

Sacred places of Kazakhstan

Mukhtar A.K. Sarayshyk the time of the golden horde in medieval historical sources 4

Bukeevskaya Horde - 220 years

Gizzatov S.M. Historical figures of the Bokey horde and their socio-political activities 10

Archeology

Mollakanagatuly S. Manuscript of «Diwani hikmet» found in Mangystau 17

Shagirbayev M. S., Sorokin D., Kazizov E. S., Moryksin D.V., Bychkov V.S. Research of osteological materials from the medieval settlement of Shymkent (2019-2020) 23

Aimuhambet J.A. Genuine legends of a beautiful city 47

Alash's story

Sailaubai E.E., Rakhmetullin E. Medical activities and the fate of the kazakh riches, emitters from the region of Chingistau 55

Philology

Khamzin M. Creativity of akyn Dia kazhy Ahmetovich: thoughts in the field of knowledge and education 73

Aitmuhanbetova B.A. Golden Zhamby in Kazakh poetry or A new look at the heritage of Zhambyl 80

Asanov K.D. Information and propaganda character of oratory 97

Karipbaev J.T. Tale by Zhusupbek Shaykhislamula on the topic «Yusup-Zylikha» 104

Ethnography

Jakisheva Z.S. Unique personality 121

Zhuniskanov E. B. The art of domestication birds of prey 134

Museum business

Akhmetova S.M. The poetic translation of the holy quran 140

Cultural studies

Mirzakhmetov A.A. Archetype and «subconsciousness» in artistic creativity 145

Айтмухамбетова Б.А.
Мемориальный музей академика К.И.Сатпаева,
г.Алматы, Казахстан
e-mail: muzei_satpaeva@mail.ru

«ПРИЗОВОЙ СЛИТОК НА КАЗАХСКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ НИВЕ!»

(Опыт нового прочтения
наследия Джамбула)

к 175-летию Джамбула Джабаева

Выдающийся поэт-импровизатор казахского народа, сказитель Джамбул Джабаев родился 16 (28) февраля 1846 года возле горы Джамбул (каз. *Жамбыл*) в верховьях реки Чу (ныне Мойынкумский район Жамбылской области Республики Казахстан). По некоторым сведениям, имя новорождённому дал его отец – Джабай Истыбаев (ок. 1812-1899), в соответствии с названием горы, у подножья которой младенец родился. Между тем поэт Тайыр Жароков в своих воспоминаниях приводит рассказ самого Джамбула, где он говорил, что «родился зимой 1846 года, неподалеку от реки Чу, у подножья небольшой горы Жамбы - гора эта названа так потому, что вершина её походила на жамбы – призовой слиток золота или серебра, по имени этой горы родители и назвали меня Джамбулом» (Жароков, 1956: 112). В своем автобиографическом произведении «Моя жизнь» поэт говорит: «*Байгара, Жамбыл, Ханда мен туыптын, / Жамбыл деп қойылыпты атым сонан ...*» («В ночь у подножья Джамбула горы, / Сжавшись комочком у снежной норы, / Мать моя, рабскую жизнь кляня, / В стонах и муках родила меня. / Молча собрался голодный аул, / Дали казахи мне имя Джамбыл...»). Вполне возможно, ороним Жамбы есть сокращённое от Жамбыл, который в древнем тюрко-монгольском языке означал «крепость», «укрепление».

Джабай происходил из подрода Екей рода Шапырашты, входящего в состав Старшего жуза. Екей – сын Шапырашты, а если считать с главы рода (Шапырашты), то Джамбул приходится ему одиннадцатым потомком. Екей был малочисленным и бедным подродом, в то же время из его среды вышло немало знаменитых батыров как Сураншы, Саурык, Карасай. Джабай, внук Байтобета, сын Истыбая, был прозван по имени одного из таких батыров, о котором были сложены дастаны, соответственно тоже был человеком небогатым, зато имел трёх сыновей: Тайти, Куман, Джамбул.

Ключевые слова: акын, жыршы, айтыскер, казахская литература, поэзия, наследие Жамбыла.

Введение

Как и подобает всем поэтам-импровизаторам, Джембул рано увлёкся поэзией. Сначала научился играть на домбре, заучивая некоторые песни. В своём автобиографическом произведении поэт указывает, что началось это увлечение когда ему было лет десять, вперемежку с играми в то время когда он пас ягнят, верхом на лошади («Он жаста ойнап журдiм бала болып, / Өлеңге бөлдiм көңiл алаң болып. / Райыттап тана минiп, қозы бақтым...»). В его роду не было знаменитых акынов или музыкантов, но его дядя – брат отца слыл довольно известным домбристом, также по линии родственников его матери Улданы (түп нағашы) славился своей игрой на кобызе Канадан. Поэтому Улдан первой из семьи поддержала детское увлечение сына искусством слова (Ысмайылов, 1996: 68).

Джембул рос любознательным и хватким мальчиком. Позже он часто вспоминал, как он учился у муллы: «По совести сказать, я у этого муллы ничего не понимал. Он не мог толком разъяснить даже арабскую азбуку... Как я жалею, что в детстве не у кого было по-настоящему учиться!» (Жароков, 1956: 112). Многие его песни так и не дошли до нас, сочинённые в юном возрасте тем более, но видимо его стихи уже тогда вызывали положительные отзывы аульчан, ибо, как он сам поёт в автобиографическом произведении, уже тогда его прозвали «поэтом-мальчиком», «хорошим акыном». Анализ тех дошедших до нас немногих стихов показывает, что в его самых первых песнях заметны лишь природный дар и стихийное умение выделить в жизненном

явлении основное, существенное. Так, возник, например, типичный образ муллы в песне «Шагым» («Жалоба»), относимый к началу шестидесятых годов, где набрасываются «типичные черты своего учителя-муллы с прутом в руках, сторбленного, в халате, в белой чалме, желчного и тупого» (Сильченко, 1956: 17). Шестидесятые годы XIX столетия – это то время, когда Джембулу исполнилось 14-15 лет и об этом периоде, как начале серьёзного

занятия акынством, говорит сам поэт: «В пятнадцать лет я взял в руку домбру, стал искусным иноходцем в мире поэзии, а в шестнадцать вышел за окрестность аула, в последующем уже смело выступал перед публикой». Эти слова показывают, что Джембул в 14-15 лет, а не в 52-летнем возрасте, как указывается в некоторых источниках, – начал серьёзно заниматься искусством слова, то есть становится с т р а н с т в у ю щ и м профессиональным поэтом. Если до того времени он преимущественно пел под аккомпанемент в стиле толғау (назидание, раздумье

на речитативе), то с 15 лет у него появляется смутное желание петь импровизации и стремление это приводить к знаменитому акыну в крае Суюнбая. Тот жил на территории Жамбылского района Алматинской области, был потомственным акыном-сказителем (дед Суюнбая Кусеп тоже славился своим искусством слова). Говорят, поэтическим тотемом Суюнбая был красный тигр: во сне будущий поэт увидел его и кружившуюся вокруг Луны домбру, а под утро явился ему мифический пророк Кызыр и произнёс слово: «Стихи». Тотчас «певчие птицы булбул нависли над Суюнбаем». Похоже, при посещении Джембулом Суюнбая,

эта история настолько сильно повлияла на поэтическое сознание юного акына, что в дальнейшем подобное происходит и с ним во сне, но всё же Джамбул до конца своей жизни боготворил Суюнбая, назвав его *pır*, пир, то есть кумиром, вдохновителем и образцом своих песен. Когда юный Джамбул закончил петь, Суюнбай благословил его, напутствуя же сказал, что пора ему сочинять свои вещи. Это была путевка в большую жизнь, в жизнь искусства, импровизации. Молодой певец стал импровизировать с небывалой юношеской энергией, однако тут вмешиваются жестокие жизненные обстоятельства. Сам поэт говорит, случилось это событие тогда, когда ему было восемнадцать лет от роду и он оказался на распутье. Какое это распутье, несложно догадаться читая его стих того времени «Әкеме» («Отцу»), вернее поэтического обращения Джамбула к отцу, Джабаю: «Украл у Серта черную лошадь,/Неповинному [ему] отрезав крылья,/Оставив в степи [его] пешим,/Не хочу я быть проклятым им (т.е. Сертом)». Тем самым акын выступает против передраг, связанных с распространённым в то время в степи конокрадством (*барымта* или *сыдырымта*), на которое порой подталкивала людей крайняя нужда. В конце автор категорически заявляет, что не собирается разбоем сеять раздор среди народа, и окончательно встанет в ряд поэтов, дружащих с стихом, словом. Ряд исследователей указывают, что в 19 лет Джамбул проводит время в среде акынов, сопровождает Суюнбая в его поездках, как младший по возрасту внимательно прислушивается и присматривается к своему учителю, заодно учится профессиональному мастерству – мастерству меткой характеристики, язвительной насмешки с ярко выраженным критическим отношением к отрицательному персонажу, подспудно заучивая спетые учителем предания и сказы о батырах и биях родов Дулат и Шапырашты (Сильченко, 1956: 17). Начальный период творчества Джамбула отличаются короткие стихи, обличающие такие человеческие пороки как скупость, спесивость, взяточничество, сутяжничество, праздность («Про Манке», «Мамбету», «Шалтабау», «К Кали», «Сяту» и др.), а также сказки в таких песнях как «Хан и акын», «Сказка о ленте» и др. Шёл активный процесс обогащения репертуара, творческого освоения народно-поэтической традиции, что неминуемо привело его к одной

из вершин творчества поэта – поэтическим состязаниям. Сначала его айтысы были в форме небольших словесных перепалок, например, с киргизской девушкой Сайкал, Бактыбаем, дочерью Болека, Айкумыс, Майкотом, называемые *қайым айтыс*, или *түре айтыс*, но дальше стали перерастать в более объёмные и в смысловом отношении нагруженные состязания – *сүре айтыс* или *желі айтыс*. Первое его крупное поэтическое состязание в форме *сүре айтыс* состоялось в 1881 году с известным в южном регионе страны поэтом-импровизатором Кульмамбетом по прозвищу *Құланияқ* (букв.: Куланогогий, образно: искромётный, быстрый как скакун-кулан). Действительно, в то время Кульмамбет славился тем, что побеждал девять акынов подряд. И этот незнающий поражения мастер, понятное дело, сначала с пренебрежением, свысока смотрел на своего тридцатипятилетнего, но всё ещё сравнительно малоизвестного соперника, в доме, где его хозяин Кудайберген созвал большое празднество по какому-то случаю. Причём Джамбула привели туда по настоянию Кульмамбета, который непременно хотел сразиться с подающим надежды акыном, и разбить его на голову. По закону жанра, их айтыс протекал по принятому клише – на восхвалениях своих родов, словословиях знаменитостей (Кульмамбет происходил из племени Дулат), с выискиванием недостатков, по ходу которого соперники не преминули унижить друг друга даже посредством указания физических недостатков – Кульмамбет издевался над соперником, что природа обделила Джамбула красотой, тот в свою очередь язвительно заметил, что он – Дулат кичится своим богатством перед бедным Шапырашты, но тут Джамбул быстро ухватил этот момент и искромётно осадил, указав, что счастье не в богатстве, а в делах, в частности таких личностей как Сураншы и Саурык, которые увековечили свои имена ратными подвигами на поле брани. В конце айтыса жюри нашли доводы Джамбула более весомыми и доказательными.

Основная часть

Сразу после этого состязания в Семиречье и на юге степи о Джамбуле заговорили как об одарённом акыне. Тогда же, в 1885 году, известный богач Ногайбай пригласил его в город

Алматы, на празднество волостного правителя Кожамберды из подрода Кырбай. Джембул приехал в полдень, праздник уже начался, вернее люди сидели за дастарханом. Джембул вошёл в дом, держа перед собой домбру, чтобы занимать песней уважаемых людей, степных воротил, как это попросил Ногайбай. Здесь сидел другой акын – Сарбас из подрода Каскарау, тоже из племени Дулат, видимо уже подготовленный к состязанию, а Джембул был застигнут врасплох. Однако он не растерялся, к тому же Сарбас, начав разговор с родословной, сам же угодил на сильную сторону своего соперника – Джембул опять же ухватившись на его восхваление своего рода, берущего начала от святой праматери Домалак и легендарного прадеда Жарыкшака, со значением дела, искусно распутывает этот клубок, в недрах которого таится немало спорных моментов. Отвечая же на вторую, традиционную часть, где опять сравнивается достаток одного, бедность другого рода, Джембул применяет тот же приём, как это было с Кульмамбетом, но на этот раз указывает, что шапыраштинцы Сураншы и Саурык защищали также и честь дулатовцев, тогда как сами дулатовцы в лице батыра Сыпатай и би Тойшыбек отвернулись от своих соплеменников в часы испытания, когда народ попал в тиски кокандцев, более того последний оказался в лагере противника. В конце градом посыпались обвинительные слова, горными потоками ответвляясь от того, позорного факта. Жёсткая суггестика в расчете на народное понятие, считающее предательство клеймом на лице, всё же достигла цели – собравшиеся нашли Джембула априори победителем.

Спустя семь лет Джембул померялся силами с Досмагамбетом, теперь уже из рода Жалайыр. На этот раз последний был приглашён на айтыс самим шапыраштинцем, что указывает на его возрастающую славу. Досмагамбет напал, восхваляя богатство Семиречья, оппонент парировал по тому же клише – к чему твоё богатство, если род твой не дал таких сыновей как наш Карасай батыр, потом как это так, столь богатый край занимается унижительным для степняка промыслом – ловлей рыбы на реке Или. В целом этот айтыс, в котором победителем признан опять-таки Джембул, а также последующее, тоже победоносное, – в 1902 году, с широко известным аркинским поэтом-певцом Шашубаем, показали насколько вырос

вообще Джембул в плане охвата тем, географии, и в отношении поэтического языка. В сущности, здесь Джембул создает новые формы айтыса, выходящие за рамки традиционных состязаний, с охватом исторических подвигов, эпохальной правды жизни. По существу, в своих айтысах поэт сделал существенный шаг от эпической традиции к традиции реализма и эти поэтические состязания стали началом воспеания исторических деятелей в творчестве Джембула. Сказанное особенно касается его дастана «Сураншы батыр», контуры которого впервые были очерчены в айтысе с Сарбасом.

Синкретический характер поэтического амплуа степных бардов предполагал их выступления одновременно как представителей акынской традиции и как жыршы-сказителей. В сущности, сказания – *толғау* и героический эпос помогали им участвовать в айтысах, в поэтических же баталиях они заложили основы будущих дастанов, оттачивали будущие сказания. Например, тот самый Кусеп, дед Суюнбая, первым сложил отдельный дастан о славных деяниях Утеген батыра из рода Дулат, его внук Суюнбай Аронулы (1815-1898 гг.) сказывал о Сураншы и Саурык батырах, в походах которых участвовал он сам. Позднее Джембул, опираясь на эти основы, творчески развивает их, обогащает и создаёт свои варианты, которые, в отличие от изводов, дошли до нас. Но до них своеобразной подготовкой служили сказания им таких шедевров тюркоязычного и казахского сказительства как сказания «Көр-ұғлы», «Мұңлық-Зарлық», «Кыз-Жібек», «Ерназар-Бекет», «Манас», «Тотының тоқсан тарауы», «Ер Төстік», «Шора» и др. Известно, что Джембул имел в репертуаре свой вариант легендарного «Шахнаме» (Бұлдыбаев, 1994: 90). Поражает это наследие своей разножанровостью – тут и героический эпос, лиро-эпос, восточный дастан. По своему объёму некоторые из них превышают 40-50 тысяч строк, и если сложить их все вместе, то выясняется, что Джембул держал в памяти около миллиона строк! Многие из них так и канули в Лету, будучи не записанными. Говорят, что в своё время он рассказывал «Кор-углы» в течение пятнадцати дней, а что мы имеем сегодня, это всего лишь 2255 строк. Известно, что на казахской земле имеются тридцать три варианта этой жемчужины древнетюркского сказительства, особенно в ареале реки Сыр-Дарья. Вполне возможно, Джембулу удалось

ознакомиться с одним из таких инвариантов дастана во время своих поездок по югу Казахстана. Сегодня достоверно установлено, что акын в пределах 1867-1875 годов неоднократно посещал Аулие-Ата, регион южного Казахстана, где встречался с видными акынами, сказителями тех мест Кулуншаком, Майлыкожей, Нуралы и др. Примерно в этот период он вместе с акыном Кулмамбетом ездит в кыргызские аилы, в ходе поездки заучивает у большого знатока эпического наследия Кулмамбета сказания «Кор-углы султан», причём успевает запомнить лишь несколько разделов этого огромного дастана. Есть сведения, что в 1891 г. он на тризне в честь известной личности Сарыбая из Кастека выступал в качестве гарольда – певца-глашатая (*жаршы*).

В этот период своей жизни тридцатилетний Джембул был в расцвете сил – и физически, и в творческом отношении. По словам очевидцев, акын был человеком плотного телосложения, очень простой в отношениях, всегда живой в движениях и мимике. Вот как описывает Тайыр Жароков его при первой их встрече летом 1928 года. Будущий поэт ехал в Алматы учиться, на арбе, по дороге остановился на привал в селении Каракастек. В одной из юрт состязались местные акыны. В то время, когда путники заглянули в юрту, один из стариков пел на домбре. «Это был очень подвижный, живой старик. Среднего роста, широкогрудный, со светлой улыбкой, искрящимся взором, он особенно расположил к себе присутствующих, – живописует Тайыр Жароков. – В кибитке воцарилось весёлое оживление. А он, сдвинув со лба на затылок козловую тюбетейку, вдохновенно импровизировал. «Живи долго, Джембул! Ещё, Жаке, ещё!» – раздавались крики одобрения и просьбы продолжить. Это была моя первая встреча с Джембулом ...» (Жароков, 1956: 111).

Бытует мнение, что певец был непрочь поухаживать за молодыми женщинами, однако эти и другие качества (непринужденная открытость, живость, юмор) только добавляли к образу Джембула человечность, близость к простым людям, подчёркивали его народность. Порою за ними скрывались непростые моменты его жизни. Как и подобает всякому молодому человеку, Джембул в юности влюбился в девушку по имени Сара, дочь Бибека (Бейбака). Сара тоже была акыном, с нею неоднократно состязался на айтысах сам Джембул, и история

эта закончилась взаимной симпатией молодых. Но вскоре отец выдал Сару замуж за сына бая, который запретил ей не только петь, но даже появляться где-нибудь на людях. Очевидно запрет был нарушен, и ревнивый муж убил Сару. Эта мрачная трагедия произошла в Чуйском районе в 80-х годах XIX столетия и всю жизнь волновала Джембула. Даже будучи глубоким стариком, в 1937 году, во время длительного своего путешествия в Грузию, в купе вагона поэт часто брал в руки домбру и с большой душевной теплотой, со слезами на глазах пел сочинённую Сарой лирическую песню «Аюгай» (Жароков, 1956: 117).

Джембул был трижды женат. От двух первых жён, которые рано отошли в мир иной, у него на руках осталось шестеро сыновей и две дочери. От третьей жены родились четыре сына, старшего звали Алгадай, остальных – Токкулы, Таубай и Куаныш.

В 1913 году царская Россия праздновала трёхсотлетие династии Романовых. Джембул находился уже в преклонном возрасте и болезнь приковала его к постели. Редко он выходил к людям. Местные власти собрали акынов в Верный, чтобы они славословили «царя-батюшку». Пригласили и Джембула на этот официальный сбор певцов. Однако в то время как другие воспевали Николая II и его родословную, Джембул пел о героях казахского народа, о батырах, боровшихся за народную правду и свободу, о Саурыке и Суранши. И тогда старого певца выгнали из города, но от гнева окружного начальника укрыла его любовь народа. Так во всяком случае преподнесли советские авторы, по их утверждению поэт всё же не избежал тюрьмы тремя годами позже, в 1916 году, во время мобилизации казахов на тыловые работы (Сатпаев, Мусинов. <http://bibliotekar.kz/kazahskaja-literatura>). Сопrotивление вылилось в широкое народное восстание и Семиречье стало одним из очагов народного возмущения. События грозного 1916-го года коротко отражены в творчестве Джембула, в основном в таких его стихах как «*Зілді бұйрық*» («Грозный окрик-приказ»), «*Патша әмірі тарылды*» («Втиснул в тиски свои приказ от царя»). Престарелый акын в своих долгих раздумьях не видит пути выхода из положения, он терзается в сомнениях, в унисон народному настроению того времени, по-своему старается распутать клубок: уехать,

оставив родную землю; бороться до конца; или подчиниться судьбе. Анализируя это состояние, исследователь Е.Исмаилов полагает, что акын в этот период своего творчества искал правду жизни. Однако апокалипсис, который совершался вокруг и зазря пролитая кровь не давали престарелому акыну подняться до объективной истины. В поисках истины он по-прежнему возвращался в героическое прошлое своего народа, находя утешение и идеал в той эпохе (Ысмайылов, 1996: 84).

На этой волне, на гребне творческих опытов по поиску жизненной правды Джамбул встретил самые мощные социальные потрясения XX века – две революции 1917 года. Он был на год младше Абая, на год старше другого крупного казахского поэта – Шангерее Букеева, но пережив обоих, стал свидетелем двух веков и самых значительных вех этой сложной исторической эпохи. Как воспринял стареющий акын, сын батрака эти революции, история об этом молчит, разве что один факт проливает в эту сторону его жизни немного света: его

аульчанин Мухамеди Канкылбаев рассказывал как он стал невольным свидетелем встречи акына с красным комиссаром Дм.Фурмановым в г.Верном: «Это было летний день. Жаке сошёл со своего ишака и с домброй поднялся в штаб Фурманова. Я был во дворе. Через несколько минут я услышал звук домбры и голос Жаке. Когда он вышел, все его лицо светилось радостью и вдохновением. Видно было, что Жаке остался очень доволен встречей» (Жантекеева, 1956: 105). Видимо это был случай, когда в 1920 году Джамбул вместе с группой акынов-сказителей был вызван в Верный для записи их произведений. Со слов Джамбула записали сказания «Утеген-батыр» и «Суранши-батыр». А в 1927 году он слагает поэму «Бег времени». В том же году, по некоторым сведениям, он принимает участие в переделе байских пастбищ и пашен (в те годы 1 млн 360 тысяч га покосов и почти столько же пахотных земель перешли в собственность казахской бедноты). Выступив по этому случаю на народном собрании в селе Узын-Агач, Джамбул рассуждал о том, кто был

Мемориальный музей Жамбыла Жабаева в с.Жамбыл Алматинской области.
Zhambyl Zhabayev Memorial Museum in the village of Zhambyl, Almaty region.

более выдающимся акыном: Бухар, Суюнбай, Шортанбай или он, ведь он больше видел в жизни, чем они, – видел две жизни: «зар заман», эпоху скорби, и нынешнюю счастливую жизнь.

«О чём пел Джембул? – пишет Тайыр Жароков вспоминая тот заветный летний день 1928-го, когда он впервые увидел поющего в юрте Джембула. – Он пел о счастливой жизни казахского народа под солнцем Октября. Как жаль, что я не запомнил слов песни!..» (Жароков, 1956: 131). Но вряд ли можно было что-либо запомнить, ибо мы знаем, каким лихолетьем обернулись эти годы для простого народа – насильственная коллективизация, раскулачивание, когда зажиточную часть Семиречья переселили в Западный Казахстан, а на их место депортировали баев из Уральска. Случилось однажды, что единственную корову Джембула забрали местные власти, при том незаконно, как доказывал престарелый певец. Затем последовал страшный голод, который вычистил выживших как околицей, теперь, в середине 1930-х мы услышим голос Джембула, воспевающего счастливую колхозную жизнь (стих «Жайлауға» – «На летнее пастбище»): кругом гул, голоса, полифония, которые в шумном веселье просят его провести их на летовку: «Жаке, ве́ди нас на летние пастбища, / Где синие воды, цветущие травы, / Где веет, как шёлк, тёплый ветер, / Где не ступали ни человек, ни стада...» Тогда акын в ответ на просьбы колхозников садится на коня и приводит табуны своего колхоза «Ер-Назар» (названного в честь тогдашнего председателя республиканского Верховного Совета – казахстанского аналога Калинин – бывшего председателя колхоза Елтая Ерназарова) на самые лучшие горные луга. Природа как мастерская социалистических преобразований (Смирнова, 1956: 60). Хотя позже селяне описывали его замечательным организатором, мобилизовавшего своей песней членов колхоза поехать в южноказахстанский совхоз-гигант «Пахта-Арал» на сбор хлопка, всё же до определённого времени он оставался акыном, вместе с тем уважаемым, но простым членом колхоза.

На следующий год, в 1936 году, девяностолетний Джембул буквально в один день стал известен на всю страну, благодаря публикации в газете «Правда», в номере от 7 мая, его большого толгау (раздумье в речитативе) «Моя Родина» («Туган елім»), в котором он

вкратце рассказал о двух эпохах жизни казахов, дал картину современной счастливой жизни. С того дня Джембул становится глашатаем нового, социалистического строя, своего рода «сталинским менестрелем». Для оказания помощи при записи новых импровизаций акына были прикреплены литературные секретари на двух языках, которые теперь стали регулярно записывать новые импровизации акына, а также старые произведения из собственных уст Джембула. После записи они срочно переводились на русский язык и опубликовывались в газетах на двух языках день в день. Таким образом, Джембул Джабаев буквально за год получил всесоюзное признание. В его творчестве появляются новые темы – «Гимн Октябрю», «В Мавзолее Ленина» (1936), «Ленин и Сталин» (1936). В его песнях можно было встретить почти всех героев советской властной верхушки, он придавал им черты эпических героев, легендарных богатырей – «Аксакалу Калинин» (Калинин – тогдашний номинальный глава Верховного Совета), «Песня о батыре Ежове» (тогдашний глава комиссариата внутренних дел), «Наш Киров» (крупный большевистский деятель, соратник Сталина). Весной 1936 года Джембул принимает участие в декаде казахского искусства в Москве. После этого он еще два раза посещает столицу страны, а в 1937 году в составе казахстанской делегации посетил Грузию, участвовал в праздновании 750-летия поэмы классика грузинской литературы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Одна за другой следуют награды: орден Трудового Красного Знамени (1936 г.), орден Ленина (1938 г.), орден «Знак Почёта» (1939 г.). С 1938 года являлся депутатом Верховного Совета Казахской ССР, членом Союза писателей Казахстана. Весной 1941 года ему была присуждена Государственная (Сталинская) премия СССР второй степени за общеизвестные поэтические произведения. Его стихи действительно получили широкое распространение будучи опубликованными на двух языках, отдельными книгами: «Өлең-жырлар» («Стихи», 1937 г.), «Стихи. Поэмы» (1938 г.), «Суранши-батыр» (1939 г., 1940 г.), «Путешествия на Кавказ» (1938 г.), «Произведения Джембула» (т. I, 1940 г.), «Болат тонды батыр» («Батыр, одетый в броню», 1940 г.). Кроме того Джембул на страницах периодической печати живо откликался на

все значительные события жизни страны: беспосадочные перелёты, открытие новых школ, столетие со дня гибели Пушкина, съезд животноводов и т.д. В течение десяти лет он создавал произведения, проникнутые советским патриотизмом и пафосом коммунистических идей, таких как «Вооружённый народ», «Гимн Октябрю», «Колыбельная песня», «Кляча и конь», «Песня о братстве народов», цикл песен о сталинской Конституции («Закон счастья», «Я избираю Сталина», «Слуга народа» и др.). В 1937 году, – по некоторым мнениям, под именем Джамбула, – вышла ода Николаю Ежову – «Песня о батыре Ежове», другой вариант – «Нарком Ежов», в переводе К.Алтайского. Она была положена на музыку М.Шафранникова, но более известна в виде стихотворения, поскольку вскоре Ежов был снят со всех постов, осуждён и расстрелян.

Его песни искренне прославляли жизнь страны, стали частью нового быта казахского аула, согласно образу восточного мудреца-аксакала, приветствующего новый строй и его людей, по лекалу властей. Как бы то ни было, высокую оценку творчества акына дали виднейшие советские писатели и поэты Михаил Шолохов, Алексей Толстой, Павел Тычина, Николай Тихонов, Константин Симонов. Также зарубежные писатели стран народной демократии, познакомившиеся со стихами казахского акына через переводы с русского языка. Так известный французский писатель Ромен Роллан в день 75-летнего юбилея творческой жизни поэта писал ему: «От сердца Западных Альп к сердцу степей Казахстана братский привет Джамбулу – певцу казахского народа и нового человечества» («Казахстанская правда», 22.05.1938). Датский писатель Мартин Андерсен Нексе также горячо приветствовал казахского певца: «Вы самый счастливый человек, – писал он. Пусть здравствует Ваше сердце вечно молодой, свободной и счастливой советской стране, сердце человека, пережившего интересную и богатую жизнь от кочевого образа до высокой передовой советской культуры».

В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, Джамбулу было 95 лет. Несмотря на свой возраст, певец живо откликнулся на призыв «Вооружайся, поэт, ведь песня – оружие!» и сложил ряд патриотических песен, призывающих советских людей к героической борьбе и

великой победе, которые вошли в отдельные сборники: «Майдан жыры», («Песни войны», 1942 г.), «Алынбас қамал» («Неприступная крепость», 1943 г.), «Песни военных лет» (1944 г.), «Қамал бұзған қаһарман» («Герой, взявший крепость», 1945 г.). Широкую известность получили его песни, – их более сорока («В час, когда зовёт Сталин», «Приказ Родины», «Поэма любви и гнева», «Москве» («Москвага»), «Ленинградцы, дети мои!» («Ленинградтық өрендерім!»). Писатель В.Вишневский, поэт А.Прокофьев и другие акулы пера отметили могучую силу толгау «Ленинградцы, дети мои!», которое воодушевило жителей осаждённого Ленинграда. Это отеческое послание ленинградцам было расклеено как плакаты в самые тяжёлые блокадные дни. За эти заслуги Джамбула наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

В 1942 году старший сын акына – Алгадай Джамбулов (1900 г.р., имя Алгадай означает примерно турецкого «янычара») был призван в действующую армию. Служил в составе 19-го кавалерийского полка пулемётчиком, пропал без вести. Только через некоторое время родители получили известие, что их сын пал смертью храбрых под Сталинградом. Через годы, а именно в середине 1950-х годов юные следопыты местной школы выяснили, что Алгадай погиб 25 февраля 1943 года, в боях за освобождение станции Синельниково Днепропетровской области Украины, в составе 35-й артиллерийской дивизии. Среди погибших, кроме него, были ещё 67 казахо-кавалеристов, опознать же останки Алгадая помогла сабля, которую Джамбул вручил сыну, провожая его на фронт. В 2005 году скульптор Б.Абишев изготовил памятник Алгадаю Джамбулову, который был установлен в мемориальном комплексе города Синельниково в Днепропетровской области.

Джамбул тяжело пережил эту утрату – скорбная весть о гибели сына подорвала здоровье 96-летнего певца (а до этого без вести пропал на фронте другой сын – Изтлеу). Он написал стихотворения «Алгадай туралы әрбір ой» (букв. «Каждая мысль моя об Алгадае»), по сути это было жоқтау на смерть любимого сына – старинная песня-плач.

Акын умер 22 июня 1945 года, не дожив до своего столетия восемь месяцев, в собственном

просторном доме из двенадцати комнат, специально построенного для него в 1938 году, накануне празднования 75-летия творчества. Согласно воле акына похоронили его рядом с его домом, окружённым яблоневым садом. В 1946 году, накануне 100-летия поэта здесь был сооружен мавзолей (архитектор И.Белоцерковский, эскизы народного художника Казахстана А.Кастеева). В 1946 году, к столетию поэта, в доме, где он прожил свои последние годы, был открыт литературно-мемориальный музей, ставший в настоящее время достопримечательностью и гордостью не только Алматинской области, но и всей республики. Примечательно, что при входе в мемориальный комплекс посетителей встречают два пирамидальных дерева – байтереки, безмолвные свидетели ушедшей эпохи, кстати, ровесники дома, посаженные ещё в 1938 году. А рядом расположился гараж, где на обозрение посетителей выставлен личный автомобиль Джамбула «М-1», подаренный акыну при его жизни, кстати, машина всё ещё на ходу (Алтаев, 2016).

2

В годы Независимости где-то в кулуарах, где-то открыто в печати стали появляться мнения, подвергающие сомнению авторство стихов Джамбула, – мол, за него писали поэты, официально числившиеся переводчиками, причём упорно ходили слухи, утверждающие, что они были прежде созданы на русском языке, русскими поэтами, прикреплёнными за Джамбулом. При этом ссылались на апокрифические мемуары композиторов Е.Брусиловского и Д.Шостаковича. Кроме того приводились воспоминания А.Алдана-Семёнова, который утверждал, что Джамбула «создал» именно он, когда в 1934 г. получил задание от партии найти какого-нибудь акына. Джамбул был найден им по рекомендации председателя колхоза. Критерием выбора была бедность и наличие множества детей и внуков. Стихи за него писал Алдан-Семёнов, после же его ареста в дело включились другие «переводчики». В их числе, как утверждается, был Марк Тарловский, который числится переводчиком большинства военных стихов Джамбула, включая «Ленинградцы, дети мои» (Джабаев: Википедия).

Согласно сведениям, собранным казахстанским журналистом Ерболом Курманбаевым, авторами стихов, приписываемых Джамбулу, были казахские поэты, приставленные к нему под видом литературных секретарей. Согласно Курманбаеву, Джамбул «был, по многим свидетельствам, акыном своего рода шапраншты, но до 1936 года никаких известий о его величии не было». В 1936 году нарком народного просвещения Казахстана Темирбек Жургенов вызвал к себе поэта Абдильду Тажибаева и сказал, что первый секретарь ЦК Компартии Казахстана Мирзоян звонил из Парижа. «У казахов много акынов, – сказал Мирзоян. – Давайте найдём к первой декаде Казахстана в Москве такого же старого, как Сулейман Стальский (дагестанский поэт), акына». Тажибаев отыскал Джамбула, привёз его к себе домой в Алматы, и представил в ЦК. Он же стал у Джамбула первым по времени секретарём и опубликовал под его именем стихи «*Туган елім*» («Моя Родина»), переведённые на русский язык поэтом Павлом Кузнецовым (который затем несколько лет переводил Джамбула) и опубликованные в газете «Правда». Стихи понравились, после чего к Джамбулу прикрепили группу поэтов-секретарей, в обязанности которых входило записывать его творения. За Тажибаевым последовал Калмакан Абдыкадыров, переводчик на казахский язык сказок «1001 ночь». С 1938 по 1942 годы за Джамбулом стихи записывал Таир Жароков, с 1942 года до конца жизни акына – Гали Орманов (Курманбаев, 2007).

После публикации статьи Е.Курманбаева, которая содержит посвящённую Джамбулу особую главу, озаглавленную «Несчастный великий Джамбул», потомки Д.Джабаева подали судебный иск к, выходящей в г. Алматы, еженедельной общественно-политической газете «Свобода Слова», с требованием выплатить 800 млн тенге (более 6 млн долларов) за «нанесённый им тяжёлый моральный ущерб». На защиту газеты встала группа оппозиционно настроенной творческой интеллигенции и независимых журналистов, политологов. Так, в июне 2007 года в Алматы в дискуссионном клубе «Таным» при фонде «Гражданское общество» прошло очередное заседание, посвящённое искам к газете и журналисту Е.Курманбаеву. В ходе обсуждения темы мнения разделились,

старшее поколение настаивало не тревожить души умерших, тогда как более молодые и решительно настроенные участники выступили против всякой мифологизации истории. В частности журналист Назарбек Канафин сказал: «Жамбыл был неграмотным человеком... Ездил, обутый в калоши, на ишаке из аула в аул, с полосатым коржином (сумкой). Участвовал в айтысах, набивал коржин дареным зерном. В 1936 году стали искать по всему Казахстану старца, который мог бы хвалить Сталина и его кровавый режим, забивая сознание народу, низводя его дух. И нашли Жамбыла. В военное время дали команду, чтобы Жамбыл сочинил стихи про блокадный Ленинград... И пишущие люди, соревнуясь друг с другом, приготовили три варианта. Один вариант дал Гали Орманов. Второй вариант Таир Жароков. Третий Абдильда Тажибаев. Устроили нечто вроде конкурса. Варианты слушали и обсуждали Сабит Муканов, другие известные люди. Решили, что у Гали Орманова слишком спокойные стихи, не взяли их. Затем прочёл своё творение Таир Жароков. Голос у него мощный, читал он громко, сильно. В то время он уже был известен, особенно по поэме «Таскын». «Вот это то, что нужно!» – решили члены комиссии. Тем более Таир был в то время в хороших отношениях с Сабитом Мукановым. Прочёл свой вариант и Абдильда Тажибаев, но его стихи не приняли. Так что стихотворение «Ленинградцы, дети мои» это произведение Таира Жарокова. Рукопись его есть в архиве, никуда она не могла деться. А поищите хоть одну рукопись Жамбыла – не найдёте. Халижан Бекхожин (известный казахский поэт, ныне покойный – Б.А.) подтвердил бы это...» (Кибальчик, 2015).

Вот так, уже фактологически, – пусть основанных на слухах, – в обществе стала укореняться мысль о трагедии Джамбула, ставшего инструментом идеологии в престарелом возрасте.

3

В том же номере «Свободы Слова», сразу под той статьёй Е.Курманбаева, под заглавием «Брусиловский о Джамбуле» были помещены фрагменты из сохранившихся в Центральном государственном архиве РК воспоминаний композитора Е.Брусиловского, на которые ссылается в своих мемуарах Д.Шостакович.

Евгений Григорьевич подробно излагая историю как нашли безызвестного Джамбула, в одном месте заметил, что, конечно Джамбул сочинял свои стихи и до 89 лет, но, во-первых, неизвестно, какие это были стихи, а во-вторых, по своему масштабу и содержанию они, безусловно, не поднимались до идейного уровня его творчества после 1936 года, – таким образом, мол, настоящий Джамбул начинается только в 1936 году, – исходя из контекста воспоминаний, – благодаря одаренным русским поэтам. Однако публикаторы этих фрагментов, да и кто-нибудь из апологетов газеты не соизволили вспомнить один случай из 1950-х годов: по словам известного государственного деятеля Михаила Исиналиева, уже в 1954 году тогдашний партийный глава Казахстана Пантелеймон Пономаренко на III съезде писателей республики пытался публично опровергать, очевидно, широко распространённые слухи об авторстве стихов Джамбула, заявив: «После смерти Джамбула прошло много лет, остались все его секретари, переводчики, но почему-то нет ярких стихов Джамбула, дело видно в том, чтобы гранить как алмаз (что якобы делали его секретари, переводчики) надо иметь этот самый алмаз, чем и была поэзия Джамбула» [9]. Что касается сомнений о стихах акына до его 89 лет, то сегодня уже определен их уровень и дана достаточно весомая оценка дореволюционному периоду творчества Джамбула.

До своего «чудесного перерождения» в 1936 году Джамбул слыл известным мастером искусства слова, выступавшего на этом поприще без малого семьдесят лет, соответственно имеющим за плечами гигантский опыт певца-импровизатора и сказителя, прошедшего отличную школу состязательной песни и кудесника жанра эпической песни-сказа. Произведения дореволюционного, основного, периода творчества акына бытовали устно и многие из них не были записаны. Те, что остались в памяти Джамбула и были им воспроизведены уже в советское время, – включая айтысы и дастаны, – претерпели изменения, согласно духу советской идеологии. Положение профессионального акына, каким тогда был Джамбул, позволяет предполагать множество подобных выступлений. «Если бы можно было сейчас восстановить более или менее полную картину досоветского творчества Джамбула, было бы видно все многообразие его

таланта», – писал в своё время учёный-филолог М.Сильченко (Сильченко, 1956: 17). Но и тот весьма ограниченный круг дошедших до нас ранних произведений позволяет установить творческий метод, принципы художественной типизации, какими Джамбул мастерски владел в зрелую пору своего творчества. В самых первых песнях 14-15-летнего Джамбула заметны лишь природный дар и стихийное умение выделить в жизненном явлении основное, существенное. Природная склонность к конкретному художественному мышлению помогла Джамбулу-ученику набросать типичные черты своих персонажей. У своего учителя Суюнбая он перенимал мастерство меткой характеристики, язвительную насмешку. Эти черты характеризуют множество его ранних лирических, бытовых, социально-сатирических песен и сказок. Таким образом уже в двадцать лет Джамбул становится незаурядным мастером, владевшим искусством поэтической характеристики. Начиная с 80-х годов XIX

столетия, т.е. с айтыса с Кулмамбетом, Джамбул заслужил признание мастера состязательных импровизаций. В своих трёх значительных состязательных партиях он обнаруживает специфическое для своего раннего творчества сочетание реалистического стиля с эпическим [3, 20]. Его поэтическая манера отличалась, кроме психологической насыщенности, также конкретностью изображения жизни, эпической простотой повествования. Эти и другие качества показывают насколько был Джамбул реалистичным, народным поэтом, причём представляющий не только свой оскудевший род шапырашты, но всего народного в традиционном исполнительстве. Выше мы видели как некоторые современные критиканы высмеивали его, представив чуть ли не попрошайкой. Да, есть конкретный факт, указывающий, что в 1897 году, в возрасте 52 лет Джамбул ушёл из дома и ходил по аулам, зарабатывая пением. Но то была непреложная практика в традиционном исполнительстве,

Открытие памятника Жамбылу в Белграде. 2016 г.
 Opening of the monument to Zhambyl in Belgrade. 2016

предполагающая не только получение профессионального гонорара за свое искусство – приз, то бишь *байрақ*, но и важную для акына стадию ученичества, пополнения знаний и оттачивания поэтических навыков путём странствования. Говорят, в 1880 г. Джембул побывал у крупного бая Меркенской волости Мамбета, пел в его доме и получил в награду за песню традиционный «тоғыз» – девять голов скота. Когда осенью того же года акын выступал в Кастекском районе, там оказался и Мамбет. Он было собрался погостить у Джембула, но, увидев убогую юрту акына, отказался остаться у него. Видимо ушёл в недоумении, не обнаружив следы от того «тоғыза». А скот скорее всего уже был роздан сородичам, аульчанам, ибо по традиции искусный, талантливый акын, певец должен был быть бедным, иначе Всевышний отберёт у того дар, талант певца, а общественность в свою очередь зорко следила за выполнением этого табу. Ещё одно косвенное доказательство популярности Джембула в народе, во всяком случае в огромном ареале, включающего в себя Семиречье, юг Казахстана и север Киргизии.

К дореволюционной известности Джембула также отсылает нас наличие у него немалого количества учеников, как и подобает в традиции. Один из них – Есдаулет Кандеков вспоминал, как он в двадцатилетнем возрасте (1907 году), на тризне бая Байсерке впервые увидел и услышал Джембула и с каким трудом смог заполучить у него благословение (*бата*). После этого он как будто переродился (Ысмайылов, 1996: 65). Другой ученик – Умбетали Карибаев, который начал свой творческий путь в четырнадцать лет, не смог даже приблизиться к нему, – настолько была высока слава Джембула, – пока он сам в 1925 году во время одной свадьбы не нашёл его спящим в юрте, разбудил острым четверостишием, для острастки, дальше получив удовлетворительный отпор от юнца, смеясь, благословил его. Ещё один из его учеников – знаменитый акын-певец, композитор Кенен Азербайев тоже в четырнадцатилетнем возрасте начал свой творческий путь, сопровождая Джембула и Шашубая в их поэтических вояжах. К поэтическому окружению Джембула относятся также такие народные акыны как Ертай Кулсариев, Садибек Мусрепов и многие другие.

Здесь впору вернуться к байкам об искусственно созданном Джембуле, которые мы затронули выше. По Брусиловскому, всё началось с великолепной поэмы акына Маимбета «Песнь об Асане Горемыке», опубликованной в 1935 году в газете «Казахстанская правда» в русском стихотворном переводе Павла Кузнецова. Тот, мол, записал её с уст поэта, которого случайно встретил во время своей командировки в Актобе, по дороге. Когда приблизился срок декады казахской литературы и искусства в Москве и срочно понадобился старик-акын, чтобы везти в столицу, вспомнили Маимбета, но поиски его не дали результата. «Был ли в действительности Маимбет или не был, но сейчас, в этот момент аварийно-срочно был нужен опытный, авторитетный казахский акын, – пишет дальше Е.Брусиловский. – В конце концов, пусть у него будет и другое имя. Разве дело в имени? Дело в таланте...» Стало быть, вкупе с возрастом, бедностью и многочисленностью семьи основным критерием в выборе фаворита был талант, то есть искусство певца, соответственно, приходящая с ними известность в народе. И вот на совещании под председательством зампреда Совнаркома Алиева называются имена известных акынов в Карагандинской, Акмолинской и Актюбинской областях, можно предположить, чьи эти имена, скорее всего речь шла о таких народных акынах того времени как Омар Шипин, Кашкынбай Казиев (Костанай), Иманжан Жылкайдаров, Кайып Айнабеков (Караганда), Толеу Кобдилов (Семей), Абдрахман Избасов (Омск), Молдахмет Тырбиев (Кокшетау), Уржар Тольбеков (Кызылорда), Нурпеис Байганин, Айсая Байтабынов (Актобе), Мурын Сенгирбаев (Мангыстау). Их имена в то время гремели по всему Казахстану, многие из них были пожилыми, небогатыми, и по числу детей и внуков лицом в грязь не ударил бы никто из них, но была одна загвоздка – далеко от столицы находились. Однако были и те, которые жили недалеко от Алматы, тот же Кенен из Мерке, например, Естай Кулсариев, Казангап Байболов из Южного Казахстана, Жаксыбай Жантобетов из Аулие-Ата, талдыкорганец Куат Терибаев, и наконец, тот самый Садибек Мусрепов – рядовой колхозник, безграмотный, но одарённый, не какая-то там кисейная гимназистка. Но не о них шла речь на совещании. На совещании охотно откликнутся на выступление одного из участников собрания, который с уверенностью

предложил: «Зачем искать так далеко, когда тут рядом, в Кастеке, живёт старик, хороший акын, его весь наш район знает. Ему, однако, уже за 80, но он ещё бодро ездит на базары. Зовут его Джамбул». Старика срочно привезли в Алматы. Выяснилось, ему намного больше – 89 лет. Но ещё крепкий, бодрый и жизнерадостный человек. «Он был профессиональным акыном, и все акыны Алма-Атинской области во главе с Кененом считали его своим учителем, – утверждает автор воспоминаний. – Свои семислоговые, термеобразные стихи он сочинял быстро и легко. Он также быстро завоевал общие симпатии».

Читаешь эти строки и создаётся впечатление, что Джамбул впрямь свалился с неба, как манна небесная или выбрали того, кто ближе находился. Брусиловский так и пишет: «Так искали Маимбета, а нашли Джамбула. Так, благодаря случаю, Джамбул начал свою поэтическую карьеру на девяностом году жизни... Русского языка он совершенно не знал, но к нему прикомандировали на первое время молодого поэта Касыма Тогузакова, который должен был выполнять функции секретаря великого акына. За короткое время талантливый поэтический тандем Джамбул – Павел Кузнецов создал на русском языке огромное количество великолепных произведений... Каждый из поэтических секретарей – одарённых казахских поэтов – в меру своих сил и способностей оказывал великому народному певцу необходимую профессиональную консультацию и помощь».

Таким образом, из слов композитора вырисовывается следующая схема работы: рядом с Джамбулом работали два поэта – один казахский и один русский, которые отшлифовали записанные из уст акына стихи, доводили до нужной кондиции, стало быть, был извод, от самого Джамбула, причём сочинённый талантливым поэтом, о чём сам автор воспоминаний упомянул дважды. Тем самым выясняется, что Джамбул не был пассивным участником в сочинительском процессе, не посадили его как саксаул, напоказ, и что это он выдавал извод, изначалие, которое потом обрабатывался сперва на казахском, далее при переводе на русский. То, что делается ныне в любом мало-мальском издательстве. Об этом пишет в своих воспоминаниях и Тайыр Жароков, который подробно описывает процесс создания Джамбулом своих песен,

прослеживая путь от замысла песни к процессу импровизации, дальше до её публикации. А было так: «Джамбул импровизировал под домбру, не любил, когда за ним не успевали записывать. Он просил и даже требовал, чтобы ему обязательно читали запись. Когда Джамбулу не нравилось записанное, он снова импровизировал неудачные строки, а потом просил перечитать исправленный вариант и спрашивал, что ещё нужно улучшить» (Жароков, 1956: 112).

Сказанное подтверждается сведениями, собранными в своё время среди народа. Селяне хорошо помнили, как пел Джамбул, описывали его импровизаторскую манеру. Он импровизировал вдохновенно, никогда не повторял пропетое. Одна импровизация следовала за другой, безостановочно лились из уст акына тирады. Если перевести замечание на язык науки, то выясняется, что Джамбул принадлежал не к разряду репродуктивных певцов, повторяющих выученное как оно есть, а к ряду певцов-креационистов, постоянно меняющих извод, каждый раз внося что-то новое, – это по классификации в теории Пэрри–Лорд. Как подобает креационистам, чтобы импровизировать, Джамбулу нужно было пережить творческий подъем. Без вдохновения он не пел. Чтобы вызвать настрой, его литературные секретари шли на разные ухищрения, интриговали темой, одним словом. Когда дело касалось крупных тем, акын был весьма скрупулезным, требовал, чтобы его постепенно ввели в тему, заинтересовали, просил читать ему литературные образцы, скажем, когда была тема посвященная Пушкину, ему читали «Евгения Онегина» в вольном переводе Абая. Узнав, что знакомый ему в устном варианте дастан является детищем Пушкина, акын заинтересовался.

Сложным было создание «Ленинградцы, дети мои». Джамбул в тяжёлую зиму 1942-го, когда Т.Жароков с Тарловским приехали в его аул, был опечален отсутствием писем от Алгадая. Сначала ему вкратце сообщили военные сводки – Джамбул любил такой точный без прикрас рассказ. Он заинтересовался темой. Потом вспоминали об Алгадае. Тут акын не выдержал и крепко выругал фашистов так, как будто бы они были перед ним. Было видно, что творческое воображение пробуждено. Когда пили чай, Тайыр взял в руки домбру и попытался симпровизировать песню о Ленинграде. «Да, ты

знаешь город, ты там жил», – заметил Джамбул, перебив его. Взглянув на акына, Жароков понял, что он хочет запеть: «Я тотчас же передал ему домбру, и песня полилась. Карандаш и блокнот для записи у меня были наготове. Джамбул, как обычно в таких случаях, требовал прочитать ему записанное, говорил: «не так», снова пел и просил прочесть, опять исправлял». Потом, по свежему следу, Тарловский сделал перевод и песня «Ленинградцы, дети мои» на утро была отослана в Москву (Жароков, 1956: 115).

*Ленинградтық өренім,
Мақтанышым сен едің.
Нева өзенін сүйкімді,
Бұлағымдай көремін...*

Думается, всякий, кто знаком со стихией казахского стихосложения, нисколько не засомневался бы в подлинности этих строк, в их принадлежности именно казахскому акыну, представителю народно-поэтического творчества, чье творение выработано в процессе устного исполнительского творчества, не говоря о порядочности и гражданской честности Тайыра Жарокова. Даже несмотря на то, что от некоторых произведений Джамбула веет профессиональной письменной поэзией, например, его стих «Май» (1937 год) определённо может быть создан под воздействием «*Майга сәлем*» («Привет маю», 1933 г.) Сабита Муканова, а символическое изображение звезды во многих его песнях близка к «*Жұлдыз жыры*» («Звёздная песня»), стихотворение которое Тайыр Жароков написал раньше, чем Джамбул, в 1928 году. Но таких схожестей немного, и то, что может быть отблеском идейной общности стихов, – попадая уже в условия импровизаторского творчества, изобразительные средства литературной традиции начинают новое существование.

Вместе с тем, вовсе не исключая высокую вероятность контаминации устных и письменных форм поэзии в творчестве отдельно взятого автора, нельзя забывать, что этот автор может быть подготовлен к новым условиям самим движением исторического процесса. К тому же если этот автор долгожитель, которому выпала доля быть свидетелем двух веков, в промежутках между несколькими мощными социальными потрясениями. Ведь в тот год, когда родился Джамбул, то есть 25 июня (5 июля) 1846 года, Старший жуз вступил в подданство Российской империи, пережив

подданство Кокандского ханства, этот же период ознаменован народным волнением во главе с Кенесары Касымұлы. Джамбул определённо знал, что такое подданство. В одной из песен 1942 года им был применено слово «*бодам*» (искаженное «подданный»), надо полагать оно сохранилось в языке акына от дореволюционных времён. Именно в этот период основной тенденцией поэтики Джамбула, – по сути певца действительности, – становится передача правды жизни в героических формах, начиная от сказаний общетюркской традиции заканчивая собственным героическим эпосом о Сураншы, Утеген-батырах. Неспроста Михаил Шолохов охарактеризовал произведения Джамбула как «эпические, мужественные в своей простоте песни». Любопытно, что в 1950-е годы в окрестностях Кастека был записан отрывок из «Интернационала» на казахском языке, но даже если это так, всё равно он объективно мог бы указать на ту тенденцию, закономерно приведшую Джамбула к принятию нового строя. Таким же образом можно оценить и факт пересоздания Джамбулом в 1938 году своего героического сказания о Суранши, где история героя показывается с точки зрения защитника всего казахского народа, образ которого используется для его воспитания в духе нового, социалистического патриотизма. В сущности, строгий реализм, героический накал произведений Джамбула совпали с формами созданного в начале 1930-х годов нового литературного метода – социалистического реализма, его неоклассическим содержанием: грандиозностью, монументальностью, революционностью, сопряженными с всеобъемлющим оптимизмом героизма. Внутренне мощный гражданский темперамент, соразмерный ему эпический художественный арсенал Джамбула сублимируется с боевой политической направленностью литературы соцреализма, обнаруживая новые просторы для применения старых традиционных эпических средств, героических эпитетов, народных форм поэзии. Это был конец классического периода в устном творчестве и начало новой, письменной эры. И этот поворотный модернизационный момент пришёлся на творчество многих народных поэтов, в том числе зерно его случайно, но закономерно попадает на благодатную почву – самому долгожителю старейшему среди этих самородков – Джамбулу Джабаеву. Он как Гомер, создавший на основе возникших при родовом

строе героических песен свои монументальные эпические поэмы, обращённые ко всему греческому народу и перешагнувший через ограниченность своих предшественников – аэдов, которые были связаны с отдельными родами, а также с теми или иными представителями родовой аристократии, возможно первым среди казахских народных акынов принимает условие стать глашатаем нового строя, а подспудно посредником между традицией и новаторством в родной литературе. Правильно ли он поступил? На этот вопрос даёт ответ история, которая не имеет сослагательного наклонения – справедливости ради необходимо признать, что незаурядная поэтическая одарённость казахского народа достигла расцвета в эпоху социализма. Яркий пример тому – творчество Джамбула, в котором блестящим образом сочетаются устные формы с литературными, поэтическими отрывками и прозаическими. И неспроста это творчество в своё время сразу же получило всенародную поддержку, составив яркую страницу казахской литературы советского периода. Стоит ли сегодня удивляться, тому как Джамбул в 90 лет стал всемирно известным и ещё десять лет провёл в стремительном творческом полёте, а затем стал объектом спора и сомнений – был ли Джамбул вообще. Джамбул был, и здесь фортуна вовсе не лукава и не переменчива: поэт принял, причём искренне принял новые условия, вполне осознанно поверив, что они, новые перемены, хоть окольными путями, но когда-нибудь приведут его народ на магистральный путь человечества – мегатренд. Что и случилось спустя полвека. Джамбул – настоящий, искренний, и это дорогого стоит. Нельзя видеть в нём человеческую, личностную трагедию – по большому счёту Джамбул, члены его семьи и сородичи при новом строе жили намного лучше, чем раньше. Воскрес бы сам певец, подтвердил бы правдивость этих слов...

Заключение

Стремительно течёт река времени, но всенародная любовь к Джамбулу не остывает. Ещё при жизни певца Указом Президиума Верховного Совета от 14 октября 1939 г. была образована Джамбулская область. 4 мая 1993 г. постановлением Президиума Верховного Совета транскрипция названия Джамбулской

области на русском языке была изменена на Жамбылскую область. В 1938 году город Мирзоян переименовали в Джамбул, с 4 мая 1993 г. – город Жамбыл. 8 января 1997 г. Указом Президента РК город Жамбыл переименован в город Тараз. В городе установлен акыну величественный памятник в полный рост. В 1939 г. Кастекский район переименован в Джамбулский район, с 4 мая 1993 года – Жамбылский район (Алматинская область). В Жамбылском районе есть село Жамбыл, центр Жамбылского сельского округа. В 1947 году в селе был открыт Литературно-мемориальный музей Джамбула, расположенный в доме акына. Название Джамбул (Жамбыл) носят около 40 населённых пунктов Казахстана, а также несколько районов, школы. В Наманганской области Узбекистана имеется посёлок Жамбыл. Его именем названы улицы и переулки: в Российской Федерации переулок Джамбула (б. Лештуков переулок) в Санкт-Петербурге и переулок в Липецке, переулок и улица в Ижевске, улицы в Волгограде, Иркутске, Кемерове, Кургане, Нижнем Новгороде, Хабаровске, Красноярске, в Украине – в Киеве, Енакиеве и Ужгороде, а также в Алматы, Астане, Рудном, Есике в Казахстане. Установлены памятники: на проспекте Орынбор в Нур-Султане, на проспекте Достык в Алматы, в городе Есике (Алматинская область), в селе Сафоновка (Атырауская область), в Киеве, в парке Нивки, в 2002 г. в переулке Джамбула в Санкт-Петербурге поставлен 4-х метровый памятник из бронзы – подарок Казахстана к 300-летию Санкт-Петербурга. В честь 170-летия поэта в столице Сербии Белграде был открыт ещё один памятник. Имя Джамбула носят: Казахская государственная филармония, областной драматический театр Восточно-Казахстанской области, гостиница в городе Тараз. В 1966 и 1970 годах выпущены почтовые художественные маркированные конверты, посвящённые Джамбулу Джабаеву, а в 1976 году – памятнику Джамбула в городе Джамбул. Выпущены почтовые марки СССР (1971 год) и Казахстана. В 1971 году селекционер-самоучка Леонид Колесников вывел сорт сирени «Джамбул», который стал первой в мире сиренью с белоокаймлёнными лепестками. О Джамбуле сняты: документальный фильм «Жамбыл: Великий певец человечества» (реж. Калила Умаров, «Казахтелефильм», 1994 г.), худ. фильм «Джамбул» (реж. Ефим Дзиган, «Казахфильм», 1952 г.).

Литература

1. Жароков Т. Воспоминания о Джамбуле. /Творчество Джамбула: статьи, заметки, материалы. – Алма-Ата. Изд. АН КазССР, 1956.
2. Ысмайылов Е. Жамбыл және халық ақындары. – Алматы: Санат, 1996.
3. Сильченко М. О типичности образов-персонажей в обличительных песнях Джамбула досоветского периода. /Творчество Джамбула: статьи, заметки, материалы. – Алма-Ата. Изд. АН КазССР, 1956.
4. Бұлдыбаев А. Өшпес өнер өрісі. – Алматы: Ғылым, 1994.
5. Сатпаев Ш., Мусинов А. В местах, где пел Джамбул// <http://bibliotekar.kz/kazahskaja-literatura>
6. Жантеева З. Заметки собирателя об устном распространении текстов Джамбула /Творчество Джамбула: статьи, заметки, материалы. – Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1956.
7. Смирнова Н. Народно-поэтические и литературные традиции в пейзаже Джамбула 30-х годов /Творчество Джамбула: статьи, заметки, материалы. – Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1956.
8. Алтаев Б.Е. Здесь все напоминает о Жамбыле. – Казахстанская правда. – 2016. – 4 ноября.
9. Джамбул Джабаев //Материал из Википедии – свободной энциклопедии.
10. Курманбаев Е. Карасай батыр, казахский Илья Муромец //Свобода Слова. – 2007. – 25 января.
11. Кибальник С.А. Миф о Джамбуле: по материалам современной казахстанской печати // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2015. – № 2 (139). – С. 89-99

References

1. Jarokov T. Vospominaniia o Djambýle./ Tvorchestvo Djambýla: statí, zámетки, materialy. – Alma-Ata. Izd. AN KazSSR, 1956.
2. Ysmaiylov E. Jambyl jáne halyq aqyndary. – Almaty: Sanat, 1996.
3. Silchenko M. O tipichnosti obrazov-personajei v oblichitelnyh pesniah Djambýla dosovetskogo perioda./ Tvorchestvo Djambýla: statí, zámетки, materialy. – Alma-Ata. Izd. AN KazSSR, 1956.
4. Buldybaev A. Óshpes óner órisi. – Almaty: Gylym, 1994.
5. Satpaev Sh., Mysinov A. V mestah, gde pel Djambýl// <http://bibliotekar.kz/kazahskaja-literatura>
6. Jantekeeva Z. Zametki sobiratelja ob ýstnom rasprostraneníi tekstov Djambýla/Tvorchestvo Djambýla: statí, zámетки, materialy. – Alma-Ata: Izd. AN KazSSR, 1956.
7. Smirnova N. Narodno-poeticheskie i literatýrnye traditsii v peizaje Djambýla 30-h godov/ Tvorchestvo Djambýla: statí, zámетки, materialy. – Alma-Ata: Izd. AN KazSSR, 1956.
8. Altaev B.E. Zdes vse napominaet o Jambyle, Kazhastanskaia pravda, 2016god, 4 noiabria.
9. Djambýl Djabaev//Material iz Vikipedi – svobodnoi entsiklopedii.
10. Kýrmanbaev E. Karasai batyr, kazahsku Iliia Mýromets//Svoboda Slova. – 25 ianvaria. – 2007.
11. Kibalnik S.A. Mif o Djambýle: po materialam sovremennoi kazahstanskoi pechatí // Izvestia Ýralskogo federalnogo ýniversiteta. Ser. 2, Gymanitarnye naýki. – 2015. – № 2 (139). – S. 89-99

Айтмуханбетова Б.А.

Қ.И.Сәтбаевтың мемориалдық музейі,
Алматы қ., Қазақстан
e-mail: muzei_satpaeva@mail.ru

ҚАЗАҚ ПОЭЗИЯСЫНДАҒЫ АЛТЫН ЖАМБЫ НЕМЕСЕ ЖАМБЫЛ МҰРАСЫНА ЖАҢА КӨЗҚАРАС

Жамбыл Жабаевтың 175 жылдығына

Қазақ халқының көрнекті айтыскер ақыны, жыршы Жамбыл Жабаев 1846 жылы 16 (28) ақпанда Жамбыл тауының етегінде Шу өзенінің жоғарғы ағысында (қазіргі ҚР Жамбыл облысының Мойынқұм ауданы) дүниеге келді. Кейбір мәліметтерге қарай, дүниеге келген ұлға әкесі Жабай Ыстыбаев (1812-1899 ж.ж. шамасы), көш тоқтаған таудың атын береді. Ақын Тайыр Жароков өз естеліктерінде Жамбылдың «1846 жылы қыста Шу өзені бойындағы Жамбы атты жотаның жанында туылғанын және өзінің Жамбыл деп аталуы сол алтын не күміс жамбыға ұқсаған таудың (жотаның) қасында туылуымен байланыстырған әңгімесін келтіреді.

«Менің өмірім» атты өмірбаяндық өлеңінде ақын: Байғара, Жамбыл, Ханда мен туыппын, Жамбыл деп қойылыпты атым сонан. Ел үркіп жүрген кезде күні-түні, Сары аяз көш-жөнекей боран күні, Қар қауып, мұзға түскен Жамбыл екем», – деп жырлайды. Жамбыл оронимі ежелгі түркі-моңғол тілінде «бекініс», «қамал» деген мағынаны білдіреді, бұрынғы атауынан мағыналық өзгеріске түскен түрі болуы бек мүмкін.

Әкесі Жабайдың шыққан тегі – Ұлы жүз Шапырашты тайпасының ішіндегі Екей руы. Жамбыл – Шапырашты ұлы Екейдің он бірінші ұрпағы. Екей аз санды және кедей ру болса да, ол рудың ортасынан Қарасай (1589-1671), Саурық (1814-1854), Сұраншы (1815-1864) сияқты көптеген танымал батырлар шыққан. Ақынның атасы – Ыстыбай аты шыққан батыр болмаса да, өнерпаз, палуан болған. Дастандарда есімі аталатын белгілі батырлардың бірінің атын алған Байтөбеттің немересі, Ыстыбайдың ұлы Жабай малға бай болмаса да, үш ұлы болады: Тәйті, Құман, Жамбыл.

Түйін сөздер: ақын, жыршы, айтыскер, қазақ әдебиеті, поэзия, Жамбыл мұрасы.

Aitmuhanbetova B.A.

K.I.Satpaev Memorial Museum,
Almaty, Kazakhstan
e-mail: muzei_satpaeva@mail.ru

GOLDEN ZHAMBY IN KAZAKH POETRY OR A NEW LOOK AT THE HERITAGE OF ZHAMBYL

*Dedicated to the 175th anniversary of the birth of
Zhambyl Zhabayev*

The outstanding Kazakh poet Zhambyl Zhabayev was born on February 16 (28), 1846 at the foot of Mount Zhambyl in the upper reaches of the Shu River (now Moyynkum district of the Zhambyl region of the Republic of Kazakhstan). According to some sources, the son's father Zhabay Ystybayev (1812-1899) named his son Zhambyl in honor of the name of the mountain Zhamba where he miraculously held back an avalanche. In his memoirs, the poet Tair Zharokov gives a story about Zhambyl, that he was born in the winter of 1846 at the Zhamby ridge along the Shu River and that his name Zhambyl is associated with the fact that he was born near a mountain (ridge) similar to that golden or silver Zhamby.

In his autobiographical poem "My Life", the poet says: At a time when the country was experiencing horrors every day and every night, Zhambyl was born as a huge snowfall landed on the ice during a snow storm. The Zhambyl oronym in the Ancient Turkic-Mongolian language means "fortress" or "castle", maybe this word has undergone semantic changes from the previous name.

His father Juba came from a clan Yekey, of the tribe of Syny of the Senior Zhuz. Zhambyl is the eleventh generation of Yekey son Shapyrashty. Despite the fact that the people from the Yekey clan were small and not rich, many famous heroes came from this family, such as Karasai Batyr (1589-1671), Sauryk (1814-1854), Suran (1815-1864). Grandfather of the poet-Issybau, though not a hero, but was Amateur man, and a fighter. Issybay's son Zhabay, who received the name of one of the famous batyrs in the sagas, although he was not rich, but had three sons: Taity, Kuman, Zhambyl.

Keywords: poet, zhyrshy, aitysker, Kazakh literature, poetry, Zhambyl heritage.